

Можно представить себе, как начнётся твой рабочий день: как обычно, с телефонных звонков, внутренних разборок или очередных срочных запросов из министерства, —

но вот так, с визита двух писателей, вряд ли. Борис Черных и его друг, поддерживающий собрата-писателя, поставили перед работниками музея, казалось бы, сложную задачу — подтвердить факт проживания в селе Туруханск Черныха Ивана Дмитриевича с 1928 по 1930 год.

Благодаря имеющемуся в библиотеке музея компакт-диску «Жертвы политического террора в СССР», подготовленному международным историко-просветительским, благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал» в 2007 году, удалось достаточно быстро получить справку:

«Черных Иван Дмитриевич родился в 1899 г. в с. Албазино Сквородинского р-на. Крестьянин. Проживал в с. Албазино Сквородинского р-на. Арестован 14 июня 1927 г. Приговорён ОС при Коллегии ОГПУ 13 января 1928 г., обв.: по ст. 58-6, 58-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам ссылки в Сибирь (Туруханский край). Реабилитирован 18 июня 1992 г. заключением прокурора Амурской области» (источник: Книга памяти Амурской обл., дело П-78227).

Приговорили к ссылке по обвинению в шпионаже и антисоветской деятельности.

Чем же Иван Дмитриевич, невинно обвинённый, занимался в ссылке?

Выяснением этого занялся его сын Борис. Через два года найденные ответы почтой были доставлены в краеведческий музей Туруханского района.

В своей статье «Отче наш. Реквием» (литературный альманах «Амур» за 2011 г., № 10) Борис Иванович пишет:

«Отца определили в плотницкую бригаду ссыльных, они рубят избы, ремонтируют бараки ещё царских времён. Тятя тоскует, но позвать к себе Гутю не смеет. Уж больно тяжела дальняя дорога. Притом на кого Гутя оставит деточек? Иван не догадывается о том, что замыслила Гутя. А Гутя замыслила отчаянное решение. В Албазине она распродаёт всю домашность, снова обходит дворы, просит о складчине. Старики отговаривают Гутю: „Ну куда ты ринешься с малыши? Это край света, там полярная ночь, морозы за пятьдесят“. Она выслушивает, но... в пассажирском поезде добирается до Красноярска. И по тем временам город Красноярск

ей кажется огромным. Она снимает на трое суток избу, шлындает по крестьянскому базару, где продают и живность, в том числе лошадей. Она осматривает зубы жеребцам, выбирает подходящего, покупает. Покупает розвальни и большую попону, чтобы в ледовой дороге оберечь детей от простуды. Ждёт попутного обоза: в одиночку идти нельзя — лютуют волчьи стаи. Дождалась, уговорила старшего взять её в обоз. Старшой дивуется: лихая! Но берёт её в обоз. Начинается, не побоюсь этого слова, героическая эпопея.

Хорошо, мама Гутя с детских лет знала гоньбу и, повязав шалью лицо, гнала за мужиками, не отставала. На случайных полустанках сердобольные сибиряки давали привал на ночь, поили молоком детей и кормили картошкой. Рано утром, ещё в сумерках, обоз снова шёл в низовья...

А ледовая дорога казалась бесконечной, но на десятые сутки перед ними неожиданно предстал Туруханск. Завывала метель. На высокой мачте у монастыря развевался чёрный стяг. Этот чёрный стяг был признанием, что день рабочий активирован, мужики сидели по избам. Нерабочий день пришёлся кстати — праздник для Черныхов. Тятя не мог наглядеться на ребятишек, вспоминала мама Гутя, даже прослезился. Мама считала его кремнёвым, и вдруг слёзы.

Ожидая зимнего ненастья, ссыльные готовили припасы: сахар, соль, картошку, рыбу. С рыбой проблемы. Тогда власть придумала иезуитскую меру: русским запретили отлов, и это в низовьях Енисея, когда красная и белая рыба идёт косяками, в нерест можно весло стоймя ставить в улове.

Местное племя кетов имело право брать из реки столько рыбы, сколько поднимут. Это тоже придумала власть. Кеты и поднимали. Солили в бочках, устраивали не продажу, а обмен: русские приносили им водку или самогон, а кеты отдавали хвосты. Что мешало самим кетам в магазинах брать спиртное? А тут другой закон-запрет действовал: не продавать малым сим водку — сопьются-де. Это глупость. Русские покупали поллитровки и шли по чумам или баракам кетов.

Тятя наш быстро усвоил эти уроки, рыба была у него. Малосольная и просто мороженая. А когда есть рыба, жить можно... Поэтому — рыба. Утром, на обед, на ужин. Впрочем, и на Амуре рыба всегда была в запасе. Ничего нового

нет в обильных краях Сибири и Дальнего Востока, всё извечное. И даже непутёвая власть извечна.

Мама Гутя принялась хозяйничать. Сосед тяти, седой ссыльный... ушёл к сотоварищам, и у Вани с Гутей оказалась комната и кухонька с печкой, ребятишки могли шалить и вволю смеяться...

На третий день вьюга чуть утихомирилась. Ванечка вывел выводок на улицу, чтобы показать хотя бы часть Туруханска, но внезапно закашлялся. Мама Гутя увидела на белом снегу кровавый ошмётток и сразу догадалась: у папы сдали лёгкие, может быть, ещё в камерах Благовещенска, — но Ванечка не придавал значения своему нездоровью.

Теперь же рядышком были Вадик, Гера и Гена. И мама Гутя дышала рядом. Мама заметила, что Ванечка спиной всё жмётся к печке. То был тоже признак беды. Что будет с малыми их детишками? Но надо дожить срок ссылки. После ссылки не упекли бы куда подальше. Здесь они вроде бы вольные, хотя каждый день отец отмечался в милиции.

Теплятся трубы котельной и монастыря, с коего сорваны купола и кресты, а из церковнослужителей (их недавно было пятеро) остался единственный. Остальных угнали в неизвестном направлении.

Мама Гутя достала махонькую иконку, копию Албазинской Божией Матери, они походя молча молились.

Гутя принялась писать в Москву, слёзно умоляя о пощаде. Кому она писала, вполне владея слогом? „Дедушке“ Калинину. О „дедушке“ ходили легенды, и, видимо, тиран понимал, что эта добрая слава Калинина греет и власть в целом.

И, представьте, однажды пришёл ответ, на министерском бланке. После ссылки семья Черныхов может выбирать место жительства повсюду в России, кроме Албазина и Рухловского района. Тятя рассмеялся: какие мы, Гутя, грозные и опасные. Нельзя землепашествовать на родине.

Но ни тятя, ни мама Гутя не ведали, что происходит в Албазине и на русском берегу Амура. Связь оказалась прерванной. Мама Гутя писала Тале Птицыной-Гавловской и сёстрам короткие письма, но ответом было молчание. Тятя, понимая своё положение, никому запроса не отправил. Знал: навредит не только семье.

А в станице Албазино сотворялись трагические события. Был убит дед Дмитрий. Произошло это так. Не зная о том, что мама Гутя с внуками снялись с якоря и помчались к Ванечке, Дмитрий, тоскуя по сыну и внукам, решил навестить своих. Но посреди ледовой переправы внезапно выпрыгнувшие из посадок пограничники перегородили тропу: „Куда, мать-перемать, идёшь, отец? Граница отныне на замке". — „К внучатам", — миролюбиво отвечал Дмитрий и пошёл далее. Вслед раздались выстрелы, Дмитрий упал. Пограничники, напуганные бессудной расправой, добились Дмитрия и спустили в ближнюю прорубь. Скрыть событие не смогли потому, что юные солдаты с погранзаставы ходили на танцульки в албазинский клуб и вышептали девам правду...»

Неспешно продолжает дальше свой рассказ Борис Иванович о событиях семейной жизни, об умении выживать в условиях нечеловеческих, о способности пережить уход из жизни родных и близких людей, о стремлении к свету и радости, о внуках и правнуках Ивана Дмитриевича Черныха. На двух фотографиях — здание школы, которое строила плотницкая бригада в 1929 году, и здание Туруханской метеостанции, где работал Яков Свердлов. Среди плотников бригады — Иван Дмитриевич, а мимо здания метеостанции, стоящего недалеко от школы он неоднократно проходил.

И хотя Иван Дмитриевич ушёл из жизни, когда его сыну Борису было только одиннадцать месяцев, и о реабилитации 1992 года он не узнает, но память и правда о нём пронеслись через десятилетия. А так как база данных общества «Мемориал» пополняется каждый год, то, значит, потомкам можно будет отследить судьбы своих родных и сохранить их образ, созданный по скупым и казённым строчкам следственных дел. И остается уповать на Господа Бога, раз сами не в силах, чтобы не умножалась и не повторялась такая несправедливость на земле нашей.